

СРЕДСТВА ДИАЛОГИЗАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

И.П. Хутыз

В статье рассматривается роль феномена диалогичности в жанре научной статьи и особенности его реализации на русском и английском языках. Исследование проводится на материале двух сборников научных статей (на русском и английском языках): 36 публикаций на английском языке и 45 – на русском. Дискурс данных статей был изучен с помощью методов дискурсивного анализа, классификации, систематизации и интерпретации, а также с помощью сравнительно-сопоставительного метода. В результате проведенного исследования автор делает вывод о том, что категория диалогичности – важная категория в академическом дискурсе, позволяющая автору привлекать и удерживать внимание адресата.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: категория диалогичности, академический дискурс, научная статья, средства диалогичности

ХУТЫЗ Ирина Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий Кубанского государственного университета. ir_khoutyz@hotmail.com

Цитирование: Хутыз И.П. Средства диалогизации академического дискурса на русском и английском языках [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 1. – С. 41–55. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

DIALOGICITY MEANS IN ACADEMIC DISCOURSE IN ENGLISH AND RUSSIAN

Irina P. Khoutyz

The article examines the dialogicity phenomenon in the research articles in Russian and in English. The research corpus includes two collections of scholarly articles (one in Russian and one in English): 36 publications in English and 45 publications in Russian. The methods used to examine the discourse of these research articles include: discourse analysis, classification, systematization, and

interpretation as well as a comparison method. As a result, the author concludes that the dialogicity category in academic discourse plays an essential role as it helps the author to attract and hold the addressee's attention.

KEY WORDS: dialogicity category, academic discourse, research article, means of dialogicity

KHOUTYZ Irina P. – DSc in Philology, professor of Applied linguistics and information technology chair of Kuban State University. ir_khoutyz@hotmail.com

Citation: Khoutyz I.P. Dialogicity means in academic discourse in English and Russian // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2020, № 1. – P. 41–55. Access Mode: <http://www.tverlingua.ru>

Понятие диалогичности имеет давнюю историю и восходит к трудам М.М. Бахтина, отметившего, что «увидеть и понять автора произведения – значит увидеть и понять *другое, чужое сознание и его мир* ...Понимание всегда в какой-то степени диалогично» (Бахтин, 2000: 308). Данное утверждение актуально в настоящее время, так как оно характеризует ситуацию, в которой адресант пытается увлечь своей информацией «другого», удержать его внимание; а этот «другой», декодируя информацию, пытается понять точку зрения адресанта. В подобной ситуации отправитель информации предугадывает и учитывает интересы получателя, объем фоновой информации, которой располагает адресат, его настроение и т.д., а адресат пытается постичь новое знание, привносимое в его когнитивную деятельность. Однако для того, чтобы распознать точку зрения адресанта, увлечься ею, реципиенту необходимо прилагать определённое когнитивное усилие: информацию нужно обработать и понять, насколько она нужна и важна. Учитывая то обилие информации, которое мы получаем в современном обществе, привлечь и удержать внимание получателя информации – сложная задача. Соответственно, необходимы некие «инструменты», которые позволят автору (говорящему или пишущему) удержать фокус внимания адресата.

На наш взгляд, взаимопонимание между отправителем информации и её получателем осуществляется с помощью разного рода дискурсивных средств, способствующих реализации категории диалогичности. Цель данного исследования – рассмотреть дискурсивные средства, направленные на установку диалога между отправителем информации и её реципиентом в жанре научной статьи. В качестве русскоязычного материала исследования выступают научные статьи, опубликованные в сборнике научных трудов «Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании» (Краснодар: КубГУ, 2017. 323 с.). Англоязычный материал исследования представлен сборником научных статей под названием “A Companion to Narrative Theory” (Blackwell Publishing, 2005. 571 p.). В ходе исследования применялись методы дискурсивного анализа, классификации, систематизации интерпретации, а также сравнительно-сопоставительный метод.

В современном понимании диалогичность представляет собой такую же дискурсивную категорию, как связность, целостность и т.д., которая направлена на организацию информации с фокусом на личности читателя, как «другого субъекта коммуникативного взаимодействия» (Гаибова, 1986: 18). Это – средство интенсификации диалогической функции языка, так как сам диалог является формой, реализующей «коммуникативную функцию диалога в языке» (Болдак, 2011: 19). В институциональном дискурсе диалогичность конструируется с помощью средств, учитывающих не только особенности адресата, но и правила и условия, характерные для коммуникации в системе данного дискурса, например, вежливость и солидаризация (Федоров, 2019). И. Джозефс (Josephs, 2000) описывает диалогичность как особое отношение, интерсубъективность, средство конструирования смыслов, трансформацию значения, своего рода «уловку» (circumvention strategy), которая может повлиять на мыслительный процесс реципиента, на его решения. В нашем исследовании мы понимаем диалогичность как категорию дискурса, которая ориентируется на мотивы и

ценности адресата и которая реализуется с помощью определённых дискурсивных (вербальных и невербальных) средств. Почеркнём, что диалогичность, будучи дискурсивной категорией, присутствует во всех типах дискурса – художественном, институциональном, формальном, бытовом и т.д., однако степень её выраженности может отличаться даже в жанрах одного типа дискурса (например, академического).

Итак, рассмотрим особенности феномена диалогичности в научной статье – жанре академического дискурса. Для начала отметим, что для академической коммуникации характерны три типа параметра, которые объясняют традиции конструирования дискурса и, как следствие, феномена диалогичности. Это такие параметры, как: 1) ориентация на читателя / на автора; 2) ориентация на форму / на содержание; 3) вовлеченность читателя в дискурс (Canagarajah, 2002).

Ориентация на читателя предполагает высокую степень диалогизации дискурса, так как призвана максимально учитывать все особенности адресата. Например, в англоязычной академической среде это может проявляться в подробных разъяснениях информации, её постоянной иллюстрацией примерами, детальном описании процесса проведения самого исследования. Вся информация, получаемая в результате вышеуказанных коммуникативных действий, может казаться очевидной из результатов, цели исследования. При ориентации дискурса на читателя автор ничего не оставляет недосказанным, двусмысленным. Ориентация на автора даёт свободу автору конструировать дискурс с учётом своих желаний, намерений. Допустим, если автор считает, что полученные результаты исследования понятны, а методология исследования очевидна из цели, то он может не уделять внимания этим параметрам.

Ориентация на форму – следствие параметра ориентации на адресата. Данный аспект предполагает чёткое структурирование дискурса, направленное на ясность и предсказуемость излагаемой информации. Это типично для англоязычной академической среды, в которой научная статья

имеет привычный шаблон, охарактеризованный как IMRD (Introduction, Methodology, Results, Discussion) (Swales, 1990), что подразумевает наличие у статьи таких типичных разделов, как введение, методология, результаты, обсуждение полученных результатов. Понятно, что форма и содержание важны в любой риторической традиции, однако, при ориентации на адресата форма – это основа, которая наполняется информацией, а при ориентации на автора – форма подстраивается под информацию, которую автор считает важной для передачи.

Наконец, вовлеченность читателя в дискурс – это то усилие, которое адресант прилагает для установки контакта с адресатом. «Интенсивность» диалогичности связана с риторическими традициями культуры, принятыми в том или ином бытовом и/или профессиональном контексте. Если в культуре предпочтение имеет ориентация дискурса на автора и на форму, то количество средств диалогичности будет минимальным. Подобный дискурс отличается безличностью, пассивными конструкциями, сложными понятиями, используемыми автором без объяснений и т.д. При конструировании дискурса, ориентированного на адресата и на форму, количество дискурсивных средств диалогичности возрастает. К дискурсивным средствам диалогичности британский лингвист К. Хайланд относит: инклюзивные местоимения; директивы; ссылки на общеизвестную информацию; пояснительные вставки; вопросы (Hyland, 2009). Как показывают предшествующие исследования, англоязычный академический дискурс демонстрирует значимую насыщенность средствами диалогичности по ряду причин: во-первых, англоязычная академическая среда уже давно является высококонкурентной (Canagarajah, 2002). Это объясняет стремление англоязычных авторов завоевать внимание аудитории, выделиться, чётко (иногда даже агрессивно) описать свой вклад в исследование темы. Во-вторых, современные риторические традиции англоязычного мира формировались под воздействием коммуникативных моделей, типичных для низкоконтекстной культуры индивидуалистов (Hall, 1976), а это

обуславливает максимально чёткую вербализацию компонентов исследования и активное конструирование авторами своей идентичности в дискурсе.

Отметим, что влияние англоязычных моделей конструирования академического дискурса заметно и в русскоязычных научных статьях, для которых относительно недавно стала характерна более чёткая структура, наличие определенных разъяснительных компонентов. Рассмотрим указанные средства диалогичности в нашем эмпирическом материале и выделим сходства и различия в их употреблении русскоязычными и англоязычными авторами.

Инклюзивные местоимения размещают адресата в единое информативное поле с адресантом; конструируется круг «своих», подчёркивается общность интересов. Важно обратить внимание, что в русскоязычном корпусе местоимение «мы» часто не является инклюзивным, как, например, в следующем предложении: *Ее особенности мы попытаемся проследить на основе анализа искусствоведческих интерпретаций картин в научно-популярном журнале «Вокруг света»* (Блинова, 2017: 30). В этих примерах авторы используют местоимение «мы» для трансляции авторской скромности, указывают на коллективный характер исследовательской работы и представляют пример русскоязычной риторической традиции, характерной для многих стран с высоким содержанием компонентов коллективистской культуры, например, итальянской (Gotti, 2010). А вот в следующем примере автор использует местоимение «мы», с помощью которого она объединяет себя с другими учёными, изучающими схожую тему: *Ведь аудитория социальных сетей – это именно те люди, ради которых мы занимаемся наукой – потребители интеллектуальных продуктов, которые получают в результате научных разработок* (Величко, 2017: 64).

У англоязычных авторов частотность инклюзивного «мы» гораздо выше, чему у русскоязычных авторов: *How, for instance, should the introduction be structured? On the one hand, we can aim for clarity, simply summarizing the*

contents. ... On the other hand, we're faced with the everexpanding whirlpool of self-reflexivity (Phelan, Rabinowitz, 2005: 1).

Также важно отметить высокую полифоничность англоязычного академической статьи, выражаемую в сконструированной идентичности автора с помощью местоимения «я», и аудиторией, «другими», к которой автор обращается с помощью местоимения «вы»: *Delete or add to the kernel events of a story and you no longer have the same story; delete or add to the satellites and you have the same story told in a different way* (Herman, 2005: 25). У этого же автора мы видим: *I focus on this influential text, published in mid twentieth-century North America...* (Herman, 2005: 20). Данные местоимения отсутствуют у русскоязычных авторов.

Директивы – речевые акты, управляющие вниманием аудитории. Конструкции, включающие лексему «давайте» (*let's*), активно способствуют налаживанию диалога между адресантом и его реципиентом. В рассмотренном материале – это такие выражения, как: **обратимся** к примерам (Кондратьева, Любина, 2017: 159); **обратимся** непосредственно к источнику нашего вдохновения (Фанян, 2017: 279); **рассмотрим** средства диалогичности (Хутыз, 2017: 304); **следует отметить**, что анализируемый текст чётко соотносится с такими понятиями как институциональность... (Бжассо, Бойко, 2017: 26) и др. Отметим, что коллективные директивы типичны для текстов рассмотренных статей. В англоязычном корпусе тоже обращают на себя внимания директивы, объединяющие автора и реципиента: *But before turning to that event, let's pause for a moment...* (Phelan, 2005: 507). Также изобилуют директивные конструкции с безличным местоимением *it*, типичные для академического дискурса на английском и русском языках: *It is important to stress that I am referring here to the experience of these writer/players at the time of composition* (Abbott, 2005: 538).

Ссылки на общеизвестную информацию – это выражения (сигналы), конструирующие ощущение известной информации и отправителю, и

получателю. Они реализуются с помощью обращения к общеизвестной информации, мотивируют адресата признать передаваемую информацию как известную и приемлемую. Наиболее типичные способы выражения ссылок – употребление таких выражений, как *разумеется (of course; it goes without saying)*, *конечно (of course)*, *очевидно (obviously)*, *традиционно (traditionally)*: **Очевидно**, что лексема «примета» удачнее «признака»... (Фанян, 2017: 283); **Разумеется**, они могут использоваться как рабочий инструмент для популяризации науки (Величко, 2017: 64) и др. Примеры из англоязычного корпуса: *But we can **obviously** thank our good fortune that most of those selves were escaped* (Booth, 2005: 81); *You very well might have charted a different route – though **of course** you can't choose that route until you've read much more than this introduction* (Phelan, Rabinowitz, 2005: 2). Обратим внимание на сочетание средств диалогичности в англоязычных примерах. Так, мы можем наблюдать в первом примере выше сочетание ссылки на общеизвестную информацию с инклюзивным местоимением *our*, а во втором – ссылка на общеизвестную информацию усиливается местоимением-обращением *you*. В русскоязычных примерах такой насыщенности средствами диалогичности не наблюдается.

Пояснительные вставки представлены комментариями адресанта, вносящими дополнительную информацию, с помощью которой реципиенту её легче воспринимать. Эту информацию можно извлечь, так как она имеет дополнительный пояснительный характер, оформляясь в скобках, либо при помощи знака тире. Данный прием вовлечения адресата позволяет автору дискурса напрямую обратиться к реципиенту, добавляя пояснительный комментарий или аргумент: ...к его составляющим отнести действующее лицо, конкретное время и пространство, индивидуальные наименования (**имена собственные**), временные характеристики (**так называемые «эпохальные метки»**) (Каколири, 2017: 130-131). Или: ...*why religions have preferred to focus on “pericopes” (**short segments detached from context**) rather than the Bible as a continuous narrative whole* (Phelan, Rabinowitz, 2005: 9).

Данное средство используется русскоязычными и англоязычными авторами одинаково.

Вопросы – быстрые и эффективные сигналы диалогичности, позволяющие автору вовлечь адресата в дискуссию. В письменном академическом дискурсе это, как правило, риторические вопросы, имитирующие обращение адресанта к слушающему, на которые отвечает сам адресант. Подобные вопросы, помимо иллюзии обращения к адресату, одновременно фокусируют его внимание на значимых аспектах информации. Вопросы могут выполнять целый ряд функций: активизировать интерес у аудитории; транслировать отношение или оценку автора; утверждать; указывать на возможности продолжения исследования и т.д. Авторы рассматриваемых научных статей с помощью вопросов создают ощущение диалога с адресатом и одновременно обращают его внимание на важные аспекты информации: *Но как же в современную «эпоху не-чтения» ... читателю туристических проспектов и брошюр не утонуть в море предлагаемой информации?* (Погодаева, 2017: 226); или: *Насколько подобное определение удовлетворяет художественной форме, выбранной поэтом?* (Фанян, 2017: 280).

Вопросы активно используются каждым англоязычным автором (в отличие от русскоязычных авторов), например: *What kind of history might a history of narrative theory be? As I see it, one might approach such a history from one of two angles* (McHale, 2005: 61); или: *As applied narratology it faces the critical challenge “So what? – What’s the use of all the subcategories for the understanding of texts?”* (Fludernik, 2005: 39). Отметим, что у четырёх публикаций (из 36) названия содержат вопрос, что стимулирует интерес у читателя к поиску ответа, например, *Resurrection of the Implied Author: Why Bother?* (Booth, 2005). В русскоязычном корпусе – в 45 публикациях (44 русскоязычные статьи плюс Предисловие) вопросы в названиях отсутствуют.

В исследовательском корпусе авторы используют восклицательный знак, который, на наш взгляд, передаёт эмоциональный настрой автора и

привлекает внимание адресата: *Означенные названия характеризуют не только сам объект номинации, но и (в большей мере!) человека, называющего его...* (Молдованова 2017: 194). В этом примере мы видим сочетание пояснительной вставки с восклицательным знаком, которые направлены на диалог с читателем, обращая, удерживая его внимание и поясняя информацию. В англоязычном корпусе примеры с восклицательным знаком встречаются чаще и, как видно, из следующих высказываний, они, помимо фокуса внимания адресата, транслируют точку зрения автора: *It should not surprise you that my answer is ‘No!’* (Booth, 2005: 79) или: *If only Zora Neale Hurston, Woolf, William Faulkner, and D. H. Lawrence had indeed been friends out on the town!* (Booth, 2005: 347).

Итак, в научных статьях русскоязычных и англоязычных авторов присутствуют средства диалогичности, к которым считаем необходимым отнести и восклицательные конструкции. Основным различием в использовании категории диалогичности авторами можно отметить то, что статьи англоязычных авторов отличаются полифоничностью, конструируемой с помощью различных местоимений. Англоязычные авторы заметно активнее, чем их русскоязычные коллеги, используют инклюзивное местоимение «мы» и вопросы, причём даже в названиях публикаций. Подобные различия объяснимы риторическими традициями конструирования академического дискурса. Русскоязычный дискурс всегда был сориентирован на автора и на содержание, чем и объясняется низкая частотность средств диалогичности. Англоязычная традиция конструирования академического дискурса имеет ориентацию на адресата и на форму. Однако очевидны изменения в русскоязычной академической традиции, которые происходят под влиянием англоязычных традиций, являющихся доминирующими в глобальном пространстве. Это обуславливает более активную диалогизацию русскоязычного дискурса, особенно устного, например, использование сторителлинга в жанре лекции (Хутыз, 2019), а также очевидную

трансформацию русскоязычного академического дискурса в сторону ориентации на адресата и на форму.

Ссылки – References in Russian

Бахтин, 2000 – *Бахтин М.М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.

Бжассо, Бойко, 2017 – *Бжассо С.Ч., Бойко О.И.* Анализ дискурса военно-политического текста в современном гуманитарном знании // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. – Краснодар: КубГУ, 2017. – С. 21–29.

Блинова, 2017 – *Блинова М.П.* Особенности лингвистической структуры экфрасиса в искусствоведческом дискурсе // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. – Краснодар: КубГУ, 2017. – С. 29–36.

Болдак, 2011 – *Болдак И.А.* Диалогическая форма коммуникации в научно-популярном тексте // Лингвистика и методология в высшей школе. Вып 3. – Гродно, 2011. – С. 19–23.

Величко, 2017 – *Величко М.А.* Научная коммуникация: способы популяризации науки среди молодежи // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. – Краснодар: КубГУ, 2017. – С. 63–70.

Гаибова, 1986 – *Гаибова М.Т.* Прагмалингвистический анализ художественного текста. – Баку: Азербайджанский гос. ун-т, 1986.

Каколири, 2017 – *Каколири И.* Бытийный дискурс в греческом позднем историческом романе // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. – Краснодар: КубГУ, 2017. – С. 129–136.

Кондратьева, Любина, 2017 – *Кондратьева Т.С., Любина И.М.* Национально-культурное наполнение концепта «Возраст», характерное для русского менталитета // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. – Краснодар: КубГУ, 2017. – С. 156–162.

Молдованова, 2017 – Молдованова Л.И. Тексты вывесок как средство формирования лингвокультурного пространства г. Краснодара // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. – Краснодар: КубГУ, 2017. – С. 189–197.

Погодаева, 2017 – Погодаева С.А. Выделение значимой информации во французском туристическом дискурсе // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. – Краснодар: КубГУ, 2017. – С. 225–231.

Фанян, 2017 – Фанян Н.Ю. Этика и эстетика дискурса в стихах Жака Превера «Как нарисовать птицу» // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. – Краснодар: КубГУ, 2017. – С. 278–287.

Федоров, 2019 – Федоров И.Е. Истоки формирования понятия и функциональная специфика категории «диалогичности» // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. – Краснодар: КубГУ, 2019. – С. 268–277.

Хутыз, 2017 – Хутыз И.П. Диалогичность как средство управления вниманием адресата // Когнитивно-дискурсивное пространство в современном гуманитарном знании. – Краснодар: КубГУ, 2017. – С. 301–309.

Хутыз, 2019 – Хутыз И.П. Сторителлинг в лекционном дискурсе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – Т. 10 (2). – 2019. – С. 64–73.

References

Abbott, P.H. (2005) The Future of All Narrative Futures // *A Companion to Narrative Theory*, Blackwell Publishing, pp. 529–541.

Bakhtin, M.M. (2000) Author and hero. To the philosophical foundations of the humanities, St. Petersburg: ABC, 336 p. (in Russian)

Bzhasso, S.Ch., Boyko O.I. (2017) Analysis of the discourse of the military-political text in modern humanitarian knowledge // *Cognitive-discursive space in modern humanitarian knowledge*, Krasnodar, KubSU, pp. 21–29. (in Russian)

Blinova, M.P. (2017) Features of the linguistic structure of ecfrasis in art history discourse // *Cognitive-discursive space in modern humanitarian knowledge*, Krasnodar, KubSU, pp. 29–36. (in Russian)

Boldak, I.A. (2011) The dialogical form of communication in a popular science text // *Linguistics and Methodology in Higher Education*, Issue 3, Grodno, pp. 19–23. (in Russian)

Booth, A. (2005) The Changing Faces of Mount Rushmore: Collective Portraiture and Participatory National Heritage // *A Companion to Narrative Theory*, Blackwell Publishing, pp. 337–355.

Booth, W.C. (2005) Resurrection of the Implied Author. Why Bother? // *A Companion to Narrative Theory*, Blackwell Publishing, pp. 75–88.

Canagarajah, S.A. (2002) *Geopolitics of Academic Writing*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 344 p.

Fanyan, N.Yu. (2017) Ethics and esthetics of discourse in Jacques Prever's poems "How to Draw a Bird" // *Cognitive-discursive space in modern humanitarian knowledge*, Krasnodar, KubSU, pp. 278–287. (in Russian)

Fedorov I.E. (2017) The origins of the concept and the functional specificity of the category of "dialogicity" // *Cognitive-discursive space in modern humanitarian knowledge*, Krasnodar, KubSU, pp. 268–277. (in Russian)

Fludernik, M. (2005) Histories of Narrative Theory (II): From Structuralism to the Present // *A Companion to Narrative Theory*. Blackwell Publishing, pp. 36–59.

Gaibova, M.T. (1986) *Pragmalinguistic analysis of a literary text*, Baku, Azerbaijan State. un-t. (in Russian)

Gotti, M. (2010) Identity Traits in Written Academic Discourse across Languages and Cultures // *Constructing Interpersonality: Multiple Perspectives on Written Academic Genres*, Cambridge Scholars Publishing, pp. 41–59.

Hall, E.T. (1976) *Beyond Culture*. New York, Anchor Books, 320 p.

Herman, D. (2005) Histories of Narrative Theory (I): A Genealogy of Early Developments // *A Companion to Narrative Theory*. Blackwell Publishing, pp. 19–35.

Hyland, K. (2009) *Academic Discourse*, New York, Continuum, 256 p.

Josephs, I.E. (2000) A psychological analysis of a psychological phenomenon: the dialogical construction of meaning // *Social Science Information*, Sage, Vol. 39 (1), pp. 115–129. D

Kakoliiri, I. (2017) An existential discourse in Greek late historical novel // *Cognitive-discursive space in modern humanitarian knowledge*, Krasnodar: KubSU, pp. 129–136. (in Russian)

Khoutyz, I.P. (2017) Dialogism as a means of managing the addressee's attention // *Cognitive-discursive space in modern humanitarian knowledge*, Krasnodar, KubSU, pp. 301–309. (in Russian)

Khoutyz, I.P. (2019) Storytelling in a lecture discourse // *Scientific and technical statements of St. Petersburg State Polytechnical University. Humanities and Social Sciences*, T. 10 (2), pp. 64–73. (in Russian)

Kondratyev, T.S., Lyubina, I.M. (2017) National-cultural content of the concept of “Age”, characteristic of the Russian mentality // *Cognitive-discursive space in modern humanitarian knowledge*, Krasnodar, KubSU, pp. 156–162. (in Russian)

McHale, B. (2005) Ghosts and Monsters: On the (Im)Possibility of Narrating the History of Narrative Theory // *A Companion to Narrative Theory*, Blackwell Publishing, pp. 60–71.

Moldovanova, L.I. (2017) Signage texts as a means of forming the linguistic and cultural space of Krasnodar // *Cognitive-discursive space in modern humanitarian knowledge*, Krasnodar, KubSU, pp. 189–197. (in Russian)

Phelan, J., Rabinowitz, P. (2005) Introduction: Tradition and Innovation in Contemporary Narrative Theory // *A Companion to Narrative Theory*, Blackwell Publishing, pp. 1–19.

Phelan, P. (2005) Shards of a History of Performance Art: Pollock and Namuth Through a Glass, Darkly // *A Companion to Narrative Theory*, Blackwell Publishing, pp. 499–512.

Pogodaeva, S.A. (2017) Highlighting meaningful information in the French tourist discourse // *Cognitive-discursive space in modern humanitarian knowledge*, Krasnodar, KubSU, pp. 225–231. (in Russian)

Swales, J. (1990) *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*, Cambridge, Cambridge University Press, 260 p.

Velichko, M.A. (2017) Scientific communication: ways to popularize science among young people // *Cognitive-discursive space in modern humanitarian knowledge*, Krasnodar, KubSU, pp. 63–70. (in Russian)